

Местковский Дмитрий Александрович

ИДЕИ ДЕМОКРАТИИ И ПАРТИЙНЫЙ ЦЕНТРАЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ В ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В данной статье показано противостояние двух основополагающих организационных принципов - демократизма и централизма. Попытки создать за границей в эсеровской эмиграции демократическую партийную организацию пресекались устремлённостью отдельных лидеров и поддерживающих их групп к централизации. Несовместимость этих принципов вылилась в организационный кризис и привела к расколу в эсеровской эмиграции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 117-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

20. **Пронштейн А. П.** История Дона. Ростов-на-Дону, 1973. 300 с.
21. **Собрание узаконений.** 1920. № 91.
22. **Трут В. П.** К вопросу о скрытом расказачивании советского периода и о перспективах казачьего возрождения // Возрождение казачества: история и современность: материалы V Всероссийской (международной) научной конференции: сборник научных статей. Новочеркасск, 1994. С. 107-116.
23. **Чернопицкий П. Г.** К вопросу о возрождении казачества // Там же. С. 12-14.
24. **Шкаренков Л. К.** Агония белой эмиграции. М., 1981. 272 с.
25. **Щетнев В. Е.** Нэп и кубанское казачество // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. / под ред. А. И. Козлова. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 157-160.

STATE AND THE COSSACKS DURING THE 1920S- 1940S

German Olegovich Matsievskii, Ph. D. in History
Department of Classical and Social Disciplines
Voronezh State University (Branch) in Staryi Oskol
2007nauka@mail.ru

The article is devoted to the history of the relationships of the state and the Cossacks during the 1920s-1940s. Special attention is paid to the state policy aimed at using the Cossacks' economic and military-defensive potential concerning soviet statehood development.

Key words and phrases: soviet state; the Cossacks; the Cossacks revival; state policy.

УДК 94(47).083

В данной статье показано противостояние двух основополагающих организационных принципов - демократизма и централизма. Попытки создать за границей в эсеровской эмиграции демократическую партийную организацию пресекались устремлённостью отдельных лидеров и поддерживающих их групп к централизации. Несовместимость этих принципов вылилась в организационный кризис и привела к расколу в эсеровской эмиграции.

Ключевые слова и фразы: социалисты-революционеры; В. М. Чернов; Заграничная организация; Областной Комитет; Центральный орган; эсеры.

Дмитрий Александрович Местковский
Кафедра истории России
Волгоградский государственный университет
Mestkovskiy@mail.ru

ИДЕИ ДЕМОКРАТИИ И ПАРТИЙНЫЙ ЦЕНТРАЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ В ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ©

История партии социалистов-революционеров всегда привлекала внимание исследователей, что предопределило широкий спектр рассмотренных проблем. Но проблема, затронутая в данной статье, необычна для круга изученного. На примере осколка партии - эсеровской эмиграции 1920-х гг. - рассматриваются организационные принципы создаваемой организации. Многие процессы, происходившие в партии, были перенесены из России и представлены в эмиграции в небольшой Заграничной организации, приняв отчётливые формы. Изучение происходившего за рубежом необходимо, оно является итогом заложенного в некогда большой и единой партии и приоткрывает некоторые завесы на более ранний период её истории.

На разных этапах жизни российского общества историография партии социалистов-революционеров имела свою специфику, определяясь потребностями власти и общества. Позиция советской исторической науки, усвоившей политические концепции большевиков, руководствовалась имевшей место борьбой указанной политической силы с эсерами, а не целями объективного исследования. Исходной точкой для изучения стали ленинские формулировки, а не программные концепции и тактические мероприятия эсеров. Непреодолимым рубежом для советской историографии партии социалистов-революционеров стали рамки, заданные работами Ленина, влиявшие на предопределённость исследований [2; 5; 6; 22; 25].

Современная историческая наука, расставшись с засильем марксистско-ленинской методологии, приобрела возможность более широкого диапазона исследований, который формируется на основе документов и материалов непосредственно эсеровского происхождения [15]. Новые общественные процессы иначе задают предмет исследования, ориентируя историографию партии на признание теоретического и практического наследия эсеров, зачастую представляя их демократической альтернативой большевизму [3; 4; 9; 11-13; 24].

Но если обращение к документам партии имеет положительные следствия, то заметен и другой процесс, проявившийся во многих работах современных исследователей. Прежде всего, стоит отметить, что зачастую концептуальный анализ партийных документов заменяется их декларативными характеристиками, что равноценно замене реально идущих внутренних процессов внешними, во многом показными. Кроме этого, заметен процесс идеализации и романтизации социалистов-революционеров, создания вокруг виднейших деятелей эсеров, прежде всего В. М. Чернова (авторитетнейший партийный лидер, министр земледелия во Временном правительстве, председатель Учредительного Собрания), ореола деятеля, обладавшего некими «конструктивными» представлениями о социализме и демократии. Данное представление сложилось под непосредственным влиянием обширного наследия В. М. Чернова, и надо отдать должное, этот деятель партии не был обделён талантом. Двигаясь этим путём, современная историография партии социалистов-революционеров может оказаться в ситуации предопределённости исследования, схожей с той, в которой оказалась историография советская, с той лишь разницей, что партия будет идеализироваться.

Целью данной статьи является попытка показать неоднозначность процессов, происходивших в Заграничной организации партии социалистов-революционеров. Хронологическими рамками служат 1920-е годы, от создания до распада эмигрантской партийной организации на противостоящие группы.

В 20-х гг. XX века партия социалистов-революционеров оказалась в сложной ситуации. Состоявшиеся в Москве судебный процесс над эсерами летом 1922 г. и съезд «бывших» эсеров в марте 1923 г. не только создавали обстановку нетерпимости вокруг партии, но и показывали, что условий для работы в России не будет. Осознание того, что партия могла существовать только за границей, вылилось в создание на съезде в ноябре 1923 г. в Праге Заграничной организации (ЗО) партии социалистов-революционеров [23].

Принципы, на которых возникла вновь созданная организация, позволяют считать её организацией, обладающей демократическими признаками в таком виде, в каком их не имела ни одна из партийных групп, образованных когда-либо эсерами. Как указывал В. М. Чернов, она была создана на «особых основаниях» и в «особом порядке».

Прежде всего, это отражалось в следующих принципах. Принятие решений в ЗО должно было осуществляться на основании «соглашения и паритета большинства и меньшинства», т.е. мнение меньшинства не подавлялось большинством в результате демократического голосования. Права руководящего органа подлежали «ограничению» и не выходили за рамки «опровержений» или «дезавуирований» тех или иных действий членов организаций, никаких иных мер «партийной дисциплины» не предусматривалось, что свидетельствует об отсутствии в организации централистских методов управления. Характер отношений в организации определялся как «союзный», «договорный», в противоположность «партийной организации» по типу российской, основным отличием которой было наличие вертикальной структуры управления. Особо оговаривалось участие представителей различных групп в выбранном съезде Областном Комитете (ОК) Заграничной организации, в редакции Центрального печатного органа партии (ЦО), представительстве партии за границей - Заграничной делегации (ЗД) [7, л. 8], что позволяло присутствовать представителям различных точек зрения эсероградской эмиграции в этих партийных организациях.

Стоит обратить внимание на ещё один факт: образование ЗО и ОК произошло в тот период, когда центральные партийные органы, такие как Центральный Комитет (ЦК), или заменившее его Центральное Бюро (ЦБ), уже не функционировали. В результате всего этого, во-первых, образование организации за границей не сопровождалось включением её в централизованную партийную структуру, во-вторых, принципы, на которых произошло образование ЗО и создание ОК, позволяют говорить о попытке создания чисто демократической организации на других, нежели в России, основаниях.

Помимо созданных за границей органов, там оказались и созданные в России, уже упоминавшиеся ЗД и ЦО. Об организации первого из них в партийных документах упоминается с X Совета, где в тезисах по организационному вопросу выделен раздел о структуре партии за границей. Согласно резолюции ЗД непосредственно «руководила» работой партийных организаций за границей, «подчиняясь» лишь центру. При этом выстраивалась следующая структура: эмигрантские органы «подчинялись» ЗД, все члены партии за границей «должны» были войти во вновь созданные партийные организации. На ЗД возлагалась обязанность «переброски» партийных сил согласно необходимости; отказывающиеся от «подчинения» партийному руководству признавались «стоящими вне партии со всеми вытекающими отсюда последствиями» [20, с. 783-784]. Включение заграничных членов партии в общепартийную структуру не посредством создания эмигрантской средой демократически выбранного органа, а с помощью создания такого органа, как ЗД, свидетельствует о попытке образования руководящей вертикали, где ЗО и ОК могли выступать низшими звеньями в структуре подчинения ЗД и далее высшим органам партии. Различия в организационных принципах ЗД и созданной за границей ЗО подчёркивают роль первой как необходимого элемента в выстраивании централизованной партийной структуры.

За границей оказался также созданный в России ЦО. Впервые о нём говорилось в уставе партии, принятом на Первом съезде, где упоминалось, что ЦК «назначает» ЦО [18, с. 248]. Лишь Четвёртый съезд впоследствии коснулся этого вопроса, где во вновь принятом уставе значилось, что ЦК «...назначает редакцию центрального органа [...]», что свидетельствует о структуре включения ЦО в партийную организацию как зависимой от ЦК [10, с. 177-178]. VIII Совет партии подтвердил это решение, признав необходимость создания «единого центрального органа партии» на тех же основаниях - «руководимого» ЦК [27, с. 392].

Следующий шаг в оформлении ЦО сделал X Совет. Был назван официальный орган печати партии, которым становился журнал «Революционная Россия» (РР). Совет «обращал внимание» редакции журнала на необходимость «усиления» раздела, посвящённого вопросам «пересмотра партийной программы», что очерчивало круг задач, поставленных перед ЦО. Совет «поручал» ЦБ принять «необходимые меры» для реализации данного постановления, а все партийные организации «призывал» к оказанию «действенной помощи» партийному органу [14, с. 730-731; 20, с. 785]. Печатный орган партии не получал никаких властных полномочий и «прерогатив» ЦК; этот орган был включён в централизованную партийную организацию.

Таким образом, в эсеровской эмиграции оказались две группы организаций. Первая группа была создана в России и включена в структуру общероссийской партии, копировала её принципы и нормы. Вторая группа возникла за границей в новых условиях и отражала новые реалии партийной жизни, прежде всего отсутствие центральных партийных органов. Дальнейшее развитие всех вышеперечисленных органов наглядно демонстрирует суть происходивших в эмиграции процессов.

Прежде всего, произошёл распад ЗД, который проявился в отсутствии нормальной работы этого высшего для заграничных эсеров органа. Происходила «отмена» или «отсрочка» заседаний, а сам орган раскололся на две противостоящие группы: группу «3-х членов», состоящую из В. М. Чернова, В. Я. Гуревича и Г. И. Шрейдера и группу «4-х членов», включавшую С. П. Постникова, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского, В. В. Сухомлина. Этот факт приравнивался к «полному упразднению делегации» [7, л. 6, 7]. Причиной распада выступали претензии на обладание «чрезвычайными полномочиями» одного из делегатов ЗД - В. М. Чернова, согласно которым он «один» мог быть представителем партии и «вести переговоры» от её имени [16, л. 1, 2], т.е. фактически представлять ЗД.

Каждая из этих групп по-разному представляла решение кризиса. Так, если группа «4-х», опирающаяся на ЗО и решения ОК, полагала, что миновать раскол ЗД можно, создав коллективный орган управления - «партийную директорию из трёх лиц», передав туда права Заграничной делегации, то группа «3-х» видела решение проблемы иначе. Заявив о В. М. Чернове как о деятеле с «чрезвычайными полномочиями по организации партийной работы за границей», единственном обладателе подобного статуса в эмиграции, группа считала, что данный факт поможет вывести ЗД из кризиса. На основании этого В. М. Чернов встал «во главе» группы «3-х». Возможность для дальнейшего «функционирования» ЗД эта группа видела в распространении влияния В. М. Чернова на всю делегацию, а именно в преобразовании Заграничной делегации партии в организацию, «возглавляющуюся» В. М. Черновым [7, л. 2, 3 - 3 об., 10-12].

Итак, различие в организационных подходах явилось определяющим в распаде ЗД. Попыткам группы «4-х» утвердить коллегиальное управление противопоставлялось стремление членов группы «3-х» сосредоточить полномочия в руках одного из представителей делегации.

Данные претензии на особое положение в партии стали предметом последующего разбирательства. Из протокола беседы В. В. Сухомлина и С. П. Постникова с В. М. Черновым права и полномочия последнего предстают совершенно отчётливо. В. М. Чернов не обладал «чрезвычайными полномочиями», он не мог «выступать» либо «вести переговоры» от имени партии без соответствующего на то уведомления, не обладал «исключительными правами» в политической и финансовой сферах [16, л. 1, 2]. Это говорит о том, что претензии на чрезвычайные полномочия не были санкционированы партийными органами, а являлись результатом присвоения их самим В. М. Черновым.

Ситуация в ЗД не была единственным подобным фактом в эсеровской эмиграции. Об этом может свидетельствовать во многом похожая ситуация раскола в редакции Центрального печатного органа.

Мы указывали, что согласно партийному уставу редакция ЦО назначалась высшей партийной инстанцией: ЦК или его приемником ЦБ. Вокруг этого возник спор. Редакторы РР С. П. Постников и В. В. Сухомлин указывали, что ЦБ утвердило «трёхчленную редакционную коллегию», включавшую помимо двух указанных ещё и В. М. Чернова, введения которой они и добивались. В. М. Чернов отрицал это, ссылаясь не только на отсутствие «письма» и постановления об «утверждении коллегии» редакторов из ЦБ, но и на то, что назначать «коллегию» и вообще редакцию ЦБ не могло в связи с отсутствием у него на то компетенции [Там же]. Это, как мы помним, не являлось таковым.

Известен «Протокол собрания редакции и сотрудников “Революционной России”», из которого перед нами предстаёт не только факт раскола в ЦО, но и видна тактика, позволившая одной из сторон реализовать свои организационные принципы в редакции. Названный документ показывает ход выведения членов редакции из редакционной «коллегии» при помощи «сотрудников» и последующее перераспределение их полномочий [19, л. 1 - 1 об., 3]. Были исключены В. В. Сухомлин и С. П. Постников. Причём основания для исключения выглядели, по меньшей мере, спорно. В. В. Сухомлин был исключён потому, что «не принял назначения» от Центрального бюро партии. Протестуя, он указывал, что не только «не заявлял» подобного, но и напротив выполнял функции редактора, и при этом сам В. М. Чернов «считал» его таковым [16, л. 3]. С. П. Постников, «покинувший заседание», отказавшись тем самым участвовать в происходившем, был также исключён [19, л. 3].

Помимо редакторов был выведен из РР Е. А. Сталинский, считавшийся многими, в том числе и сотрудниками журнала, членом «редакционной коллегии», «заведующим иностранным отделом» ЦО. Основанием его вывода из ЦО послужило отсутствие «постановления» о назначении [Там же, л. 1 - 1 об., 3]. После всех исключений В. М. Чернов остался единственным редактором ЦО.

Итак, рассмотрение сложившейся ситуации в ЗД и ЦО, в организациях, созданных единой партией в России, показывает, что в них проявилась тенденция к централизации в их руководстве. Выявилась роль

В. М. Чернова как сторонника создания монопольного управления в этих партийных органах эсеров. Как в ЗД, так и в ЦО он отрицал «коллегиальное» управление партией.

Прямым следствием исключений из редакции было сосредоточение полномочий выбывших в руках В. М. Чернова. Обязанности «секретаря редакции», которые выполнял С. П. Постников, были поручены В. М. Чернову. В. Г. Архангельский - «сотрудник» редакции - должен был принять от бывшего уже «редактора» С. П. Постникова «кассу», с последующей передачей её «кассиру». В. М. Чернов получал право принимать «все меры», необходимые для продолжения выхода РР. Особо подчёркивалось, что под этим подразумевалось и право распоряжаться «свободно располагаемыми суммами», имеющимися у издательства [Там же, л. 1 об., 3]. Это показывает, что В. М. Чернов становился единственным распорядителем финансов, В. Г. Архангельский был лишь хранителем денег.

Сосредоточение партийных функций в руках В. М. Чернова шло не только по линии ЦО. Изымались и другие функции выбывших. Так, В. М. Чернов предлагал «приостановить полномочия» В. В. Сухомлина как представителя партии в исполкоме Социалистического Интернационала [7, л. 11, 12]. Впоследствии это и было реализовано, В. М. Чернов был «признан официальным представителем партии» при Интернационале [21, л. 1]. Отстранения вели к тому, что полномочия отстраненных присваивались В. М. Черновым.

Получив ЦО в свои руки, В. М. Чернов изложил новую роль этого органа, явившуюся своего рода и его политической программой как редактора РР. Исходя из признания ЦО общепартийным X Советом, в противоположность ОК, созданной одной из партийных организаций - Заграничной, В. М. Чернов отстаивал мнение, что статус ЦО является как минимум выше статуса ОК, и никоим образом не является «подчинённым» какой-либо партийной структуре, а выступает «прямо и непосредственно» ЦО партии. Утверждая, что «редакция Центрального Органа автономна», В. М. Чернов отрицал право назначения редакции за кем бы то ни было. Фактически это было заявкой на то, что ЦО - орган партии, стоящий на самом вершине её структуры. Так, если ЦБ и ЦК назывались органами «тактического и организационного» руководства партией, то РР - «органом идейного руководства» [8, л. 3, 6, 7], что фактически передавало ЦО «прерогативы» ЦБ или ЦК, распределив между ними сферы полномочий. Данные заявления придавали печатному изданию совершенно новое качество, в сравнении с тем, как оно было определено в партийных документах.

Итак, статус РР и «редакции» не выводился из резолюций и устава партии, а был искусственно сконструирован и направлен на «идейное руководство» партией. Делалась заявка на совершенно уникальный для печатного издания статус. Исключалась возможность сменить «редактора», а следовательно, как-то влиять на него, что свидетельствовало, во-первых, о стремлении получить большие полномочия, чем те, которыми обладали когда-то члены ЦК, а во-вторых, об отсутствии демократических оснований в той линии развития партии, которая предлагалась данной перспективой.

О том, что именно «идейное руководство» и атрибуты «идейных лидеров» необходимо «поставить во главу угла» политикам в условиях эмиграции, В. М. Чернов упоминал неоднократно [26, л. 10]. Это имело своим следствием то, что в условиях отсутствия «тактического и организационного» органа - ЦК или ЦБ - «идейный» орган становился на их место, занимая единственное высшее положение в партии.

Конфликт в верхах партии к 1927 г. стал осознанным фактом, что проявилось в создании «согласительной комиссии», занятой привлечением всех заграничных групп эсеров к участию в зываемом съезде. Попытка создать съезд была демократическим способом разрешить создавшееся положение в Заграничной организации. Именно съезды и советы представляли согласно уставу партии возможность для разрешения конфликтов и спорных вопросов. Обращает внимание, что принципиальные различия не позволили сторонам, участвовавшим в работе «согласительной комиссии», договориться. Так, В. М. Чернов и поддерживающая его Пражская группа эсеров предлагали не поднимать на съезде вопрос о ЦО «с прерогативами» ЗД или ЦК и не допускать ограничения прав ЦО на «идейное представительство партии» посредством создания «параллельного» и «конкурирующего» с РР другого центрального органа партии. Представители же Парижской группы эсеров - М. Л. Слоним, И. М. Брушвит и С. П. Постников, соглашаясь не оспаривать «легальности титула» РР как «центрального партийного органа», отстаивали возможность вести «дискуссионные» вопросы в органе «областном», а не в «центральном» [7, л. 14; 17, л. 4-7, 9, 15, 16]. Фактически это значило, что сторона, лишившаяся возможности высказывать своё мнение в ЦО, прекращала борьбу за этот печатный орган, но стремилась отстоять право выражать свою точку зрения по «идеологическим» и «дискуссионным» вопросам в печатном органе Заграничной организации. Для попыток централизации партии это создавало непредвиденный барьер. Для возможности существования демократических норм - было шагом вперёд.

В этом споре столкнулись взаимоисключающие политические концепции, стороны, их отстаивающие, достичь договорённости не могли. М. Л. Слоним, отстаивавший право на выражение иной, нежели в РР, точки зрения, указывал, что сторона, представляемая им, не может пойти более «ни на какие уступки». В свою очередь В. М. Чернов указывал, что несогласие в этом пункте означает продолжение «войны» [17, л. 13, 14, 19, 22].

Не договорились стороны и о задачах съезда. Так, если представители Парижской группы считали, что съезд мог обсуждать теоретические и организационные вопросы, то В. М. Чернов - только теоретические - «программно-тактические» [Там же, л. 4, 5, 10, 11]. Данный спор также означал две разнонаправленные позиции: стремление ограничить компетенцию съезда, оставив ему второстепенные вопросы, противостояло стремление отстоять роль съезда как высшего органа.

Работа комиссии помимо того, что закрепила наличие двух течений, отчётливо показала факт принципиальных разногласий между ними. Съезд ЗО в тех условиях мог быть единственным представительным

органом партии, а значит, демократическим институтом. Отказ В. М. Чернова и «группы партийцев» участвовать в его работе был отказом решить спор посредством волеизъявления большинства эмиграции. Разногласия в принципах и политических концепциях явились основой для различных типов партийных организаций. Так, если участники второго заграничного съезда, состоявшегося в феврале 1928 г., продолжали организационную деятельность в духе демократических традиций, то отказавшиеся от участия в работе съезда эсеры продемонстрировали приверженность иным организационным принципам.

Наиболее выразительно они представлены в резолюции Лос-Анджелесской группы партии социалистов-революционеров, где указывалось, что «ответственность», «воля к единству», «работоспособность руководящих партийных органов» и их «конструктивная» работа могут быть восстановлены вокруг «высоко ответственной роли вождя», роль которого отводилась В. М. Чернову [21, л. 1 - 1 об.]. Данная резолюция, принятая в результате поездки В. М. Чернова в оторванную от европейских событий партийную ячейку эсеров, конечно, не являлась нормой для всей партии, но отражала его политические воззрения, а также настроения в некоторых организациях и, кроме того, могла быть использована как прецедент в других партийных группах.

Партийный централизм приобретал новые черты, сосредоточенные в одном «выдающемся» члене партии, её «вожде». Отрицание «параллельных», а значит, заведомо конкурентных полномочий у кого-либо, помимо «вождя», являлось политической концепцией В. М. Чернова, а он предстаёт как деятель, поставивший своей целью единоличное управление в партии. Стремление к централизму приобретало авторитарную направленность.

В свете данной перспективы по-иному предстаёт призыв В. М. Чернова к роспуску ЗО. Причём одновременно с роспуском Заграничной организации предлагалось создать «Заграничный Союз» членов партии, «стоящих на платформе» ЦО [7, л. 9, 11]. Осуществление данной меры привело бы к тому, что в «Союзе» лидирующие позиции заняло направление, отстаиваемое В. М. Черновым. Сопоставив это с фактом признания некоторыми организациями в упомянутом лидере «вождя» партии, можно заключить, что план создания централистской организации с авторитарными методами руководства на базе ПСР являлся реальностью.

Итак, выявленные процессы позволяют говорить о двух разнонаправленных и принципиально несовместимых течениях в заграничной эсеровской среде. Первое основывалось на принципах, выработанных съездом в Праге в 1923 г., стремясь к коллегиальности управления и решению конфликтов посредством выяснения воли большинства, оно может быть условно названо демократическим. Второе, объединявшееся вокруг фигуры В. М. Чернова, стремилось к установлению в партии единовластия.

Итак, ситуация в партии социалистов-революционеров отнюдь не может быть представлена в идеалистическом и романтизированном виде. Вряд ли можно считать эсеров демократической альтернативой большевистскому режиму, но нельзя представлять их и средоточием отрицательных содержаний. Утверждение подобных воззрений явилось бы возрождением на новой основе советской концепции. Эсеровский социализм был нераскрывшейся формой, в которой содержались и авторитарные, и демократические принципы. Партия социалистов-революционеров являла собой сложное сплетение различных идей и представлений. Выдвижение какой-либо одной из них на первый план наносит ущерб целостному пониманию того сложного организма, который представляли эсеры.

Список литературы

1. В согласительную комиссию Пражской организации П.С.-Р. Фракция партийцев, группирующаяся вокруг центрального органа партии «Революционной России». 31 сентября [1927 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5847. Оп. 2. Д. 26.
2. Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. М., 1983.
3. Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 годах. М., 1998.
4. Гусев К. В. В. М. Чернов: штрихи к политическому портрету. М., 1999.
5. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
6. Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашательства к контрреволюции: очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968.
7. Записка о причинах расхождения и распада заграничной делегации партии социалистов-революционеров и протест некоторых членов этой организации [1929 г.] // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 22.
8. Записка об отношении членов заграничной делегации партии социалистов-революционеров к объединённому съезду трёх групп социалистов-революционеров из «Современных Записок», «Дней» и «Воли России» // Там же. Д. 21.
9. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
10. Краткий отчёт о работах Четвёртого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября - 5 декабря 1917 года) // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Ч. 1.
11. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 годах. М., 1997.
12. Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 годах. М., 1998.
13. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
14. О созыве X Совета партии // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.
15. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. / сост., авт. предисловия, введения, комментариев Н. Д. Ерофеев. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 1. 1900-1907 гг.; М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Ч. 1. Февраль-октябрь 1917 г.; Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. - 1925 г.
16. Протокол беседы В. В. Сухомлина с В. М. Черновым в присутствии С. П. Постникова в Праге 4-го февраля 1927 г. // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 156.

17. **Протоколы заседаний согласительной комиссии Пражской организации П.С.-Р.** [23 сентября - 16 ноября 1927 г.] // Там же. Д. 149.
18. **Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров** [29 декабря 1905 г. - 4 января 1906 г.] // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. М., 1996. Т. 1.
19. **Протоколы собрания редакции и сотрудников «Революционной России» 15-26 ноября 1926 г.** // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 150.
20. **Резолюции X Совета ПСР** // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.
21. **Резолюция Лос-Анджелесской группы партии социалистов-революционеров** // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 159.
22. **Спирина М. В.** Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987.
23. **Съезд заграничных организаций П.С.-Р. в Праге 16-24 ноября 1923 г.:** протоколы заседаний // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 673. Оп. 1. Д. 47. Ч. II. Док. 955.
24. **Федоренко А. А.** Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999.
25. **Черномордик С.** Эсеры (партия социалистов-революционеров). Харьков, 1930.
26. **Чрезвычайно опасно** // ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 14.
27. **VIII Совет партии социалистов-революционеров (7-16 мая 1918 г., Москва):** материалы // Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.

DEMOCRACY IDEAS AND PARTY CENTRALISM: TO THE QUESTION ABOUT ORGANIZATIONAL PRINCIPLES IN SOCIALIST REVOLUTIONARY EMIGRATION

Dmitrii Aleksandrovich Mestkovskii

Department of Russian History

Volgograd State University

Mestkovskiy@mail.ru

The author shows the confrontation of two fundamental organizational principles - democratism and centralism. The attempts to create the democratic party organization abroad in socialist revolutionary emigration were stopped by the tendency of some leaders and the groups supporting them to centralization. These principles incompatibility lead to organizational crisis and split in socialist revolutionary emigration.

Key words and phrases: socialists-revolutionists; V. M. Chernov; overseas organization; regional committee; central administration; socialists-revolutionists.

УДК 342.41

В статье автор соотносит национальные ценности, выраженные в Конституции РФ, и национальные интересы, отраженные в политико-правовых документах. Основное внимание уделяется вопросу систематизации национальных интересов, соответствия их общенациональным ценностям и ментальным представлениям народонаселения России.

Ключевые слова и фразы: конституция; национальные интересы; государственная политика; идеология; культурная политика; стратегическое планирование; национальные ценности.

Алексей Алексеевич Михеев

Кафедра конституционного и административного права

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

mih-allexis@mail.ru

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ©

Национальные интересы играют существенную роль в систематизации процесса государственного управления. Они являются ключевым основанием для осуществления любой государственной политики. М. В. Баранов отмечает: «Национальные интересы - реальный базис правовой политики государства. Они выступают тем ориентиром, который способен придать ей высший ценностный смысл и “выстроить” осязаемые, фактически достижимые текущие и перспективные цели» [2]. Однако построение системы общенациональных интересов ставит перед собой ряд важных проблем.

Но прежде чем подробнее остановиться на вопросах реализации национальных интересов, следует рассмотреть проблему возможности национальной правовой политики как таковой. Речь идет о ст. 13 Конституции РФ, которая, по мнению некоторых ученых, запрещает не столько идеологию как совокупность концептуальных положений, сколько любые формы ее реализации.